

Американо-российские отношения при Буше и Путине

Респондент: Александр Волошин

1999 – 2003 Руководитель Администрации президента Российской Федерации

Интервьюер:

Иван Грек

The Bridge Research Network

Дата интервью:

8 февраля 2022 г.

Редакционное примечание и дисклеймер:

Эта транскрипция прошла проверку на точность в соответствии с правилами академического сообщества и высокими стандартами транскрипции. Центр Президентской Истории ставит своей целью отразить слова респондентов с максимальной точностью. Все видеозаписи интервью содержат неотредактированные ответы и представляют исходные версии слов, сказанных интервьюируемыми.

Для того, чтобы облегчить чтение транскрипций, из них были удалены элементы прямой речи, такие как фальстарты, незаконченные слова и слова-паразиты (например, «вы знаете»). Окончательные транскрипции будут соответствовать стандартным практикам изучения устной истории. Редакторы согласуют все транскрипции с окончательным Центром президентской истории.

Предложения правок и вопросы могут быть адресованы к редакторам по адресу cphinfo@smu.edu.

Цитата

Александр Волошин, интервью Ивана Грека, 8 февраля 2021 г. Проект коллективной памяти «Российско-американские отношения при Буше и Путине», Центр президентской истории, Южный методистский университет.

[Начинается транскрипция]

ГРЕК: Когда Джордж Буш младший стал президентом в январе 2001 года, чем вы занимались и как вы пришли на эту должность?

ВОЛОШИН: Я в этот момент был руководителем администрации президента. Я эту должность занимал 10 последних месяцев президентства Бориса Николаевича Ельцина и потом почти четыре первых года Владимира Владимировича Путина. Это была моя работа до этого — я был заместителем руководителя администрации президента. До этого я еще некоторое короткое, правда, время был помощником руководителя администрации президента. До этого я занимался бизнесом.

ГРЕК: Вы помните, какие у вас были ожидания от внешней политики Путина, когда стало ясно, что он станет президентом? Как вы сравнивали подходы к отношениям США позднего Ельцина и начинающего Путина?

ВОЛОШИН: Вы знаете, у меня на эти вопросы есть один, наверное, такой с одной стороны довольно общий, в другой стороны, мне кажется, он предельно соответствующий действительности ответ. Каждый российский президент, каждый... ну у нас не так много было их, история президентства в России не такая длинная как в Соединенных Штатах. Тем не менее, каждый российский президент в отношениях с Соединенными Штатами в самом начале считает, что они плохие и их можно существенно улучшить. И это начало любого российского президентства. На каком-то третьем, четвертом, пятом году президентства — в зависимости от того, кто сколько работает в этой должности и в зависимости от интенсивности

отношений — приходит разочарование. И возникает какая-то, [00:02:00] к сожалению, уверенность в том, что эти отношения улучшить невозможно, потому что нас друзьями не считают. Нас не считают ни друзьями, ни равными партнерами и наступает такое серьезное разочарование. И это разочарование в том числе носит и содержательный характер, оно носит эмоциональный характер, некую усталость от зря потраченных усилий, которые, в общем, что называется, «не в коня корм». Вот примерно так.

Поэтому, когда даже неважно каковы были мои ожидания от российско-американских отношений, когда дело шло к избранию Владимира Путина президентом. И честно говоря, меньшее, о чем я думал в контексте предстоящих выборов президента и избрания Владимира Путина на эту должность, меньше всего я думал о российско-американских отношениях. Конечно, как в любой нормальной стране люди больше думают в таких случаях о внутренней политике, о том, что происходит в стране. А ситуация в стране у нас была более чем сложная, страна находилась в кризисе, и экономический кризис впоследствии дефолта [19]98-го года еще не ушли, и у нас была гражданская война на Кавказе в Чечне. В общем, забот хватало.

И в этом ряду, когда я как многие другие думал: «А что поменяется, когда придет новый президент?», если честно, меньше думал о российско-американских отношениях. Больше думал о том, что будет у нас в стране. И конечно, приход Путина такого молодого энергичного нового лидера не только я, но и многие люди: в общем, это как-то отразилось на

результатах выборов. Ожидали, что он решит многие накопившиеся проблемы. Что касается российско-американских [00:04:00] отношений, то я об этом сказал. Каждый раз это ожидание какой-то — как это позднее было названо, «перезагрузки» — но она каждый раз не случается. Почему-то у меня есть предположение, что когда-то, когда в России будет тоже смена президента, новый президент тоже будет пробовать улучшить российско-американские отношения и через несколько лет тоже разочаруется.

ГРЕК: Первая встреча между президентом Бушем и президентом Путиным состоялась в Словении в июне 2001 года. Остались у вас какие-то воспоминания об этой встрече? Насколько она была важна? Была ли, в принципе, это важной вехой в отношениях?

ВОЛОШИН: У меня не осталось, если честно, каких-то особо ярких впечатлений относительно этой встречи. Я на этой встрече не присутствовал. Я как руководитель администрации, безусловно, принимал активное участие в ее подготовке на берегу еще, да, там до того, как эта встреча произошла. Ну это была такая первая серьезная встреча новых президентов. И естественно, как всегда, как уже я ранее сказал, на нее возлагались надежды, что можно будет как-то приступить к улучшению отношений. Но это были, скорее, такие общие соображения. Каких-то конкретных огромных ожиданий от этой встречи не было.

И вообще, честно говоря, межгосударственные отношения — это такая довольно инерционная сложная вещь. Да, встречи между лидерами

важны, но вообще, я никогда не считаю, что вот там встретились два человека, пожали друг другу руки и мир стал другим. Это такая упрощенная журналистская, как правило, интерпретация того, что происходит. Это, как правило, все-таки государственная политика в больших странах вещь довольно инерционная, и есть еще такая вещь, как национальные интересы стран, которые тоже в одночасье не меняются. Лидеры стран пытаются отстаивать эти национальные интересы. Поэтому при всей [00:06:00] судьбоносности этих встреч я, честно говоря, никогда от них не ждал что-то такого «вау» космического. И это в полной мере применимо к этой встрече в Словении.

ГРЕК: Посылал ли Белый дом какие-либо сигналы перед этой встречей, указывающий то, что американцы хотят хороших отношений, что-нибудь, чтобы указывало на то, что Буш заглянет в душу Путину?

ВОЛОШИН: Буш никому не давал знать, что он собирается заглянуть в душу Путину. Нет таких сигналов. По крайней мере, по моей линии я их не ощущал. Межгосударственные отношения, они же такие многогранные, много каналов общения. Сейчас, к сожалению, стало меньше; в чем, наверное, ничего хорошего нет. Но, вообще, их довольно много. По моей линии таких сигналов не было. Было понятно, что новый президент. У него есть карт-бланш на какие-то новые подходы. Он не заложник ранее совершенных ошибок. Ну это какие-то самые общие такие рассуждения. А вот каких-то сигналов конкретных я, по крайней мере, не ощутил.

ГРЕК: Одним из результатов этой встречи стало то, что Буш сообщил Путину о намерениях США выйти из договора по противоракетной обороне. Что в Кремле думали об этом? Некоторые корреспонденты утверждают, что именно выход США из договора стал мотивацией для разработки сверхзвукового оружия в России. Согласитесь ли вы с этим утверждением? Насколько важным был вопрос противоракетной обороны для политической части американо-российских отношений?

ВОЛОШИН: Вы знаете, вообще, безусловно, договорные отношения — это некая такая серьезная юридическая основа много чего. Это и некая система гарантий, и система, которая позволяет [00:08:00] понимать намерения сторон, позволяет понимать, в каких ограничениях каждый из нас находится, что он имеет право делать по этому договору, что не имеет права. Как любой договор, он подписывается в конкретных условиях, но потом условия вокруг нас меняются. И условия договора могут становиться более выгодными, менее выгодными, в чем-то они становятся более выгодными для одной стороны, в чем-то для другой стороны.

Но в практике межгосударственных отношений да и, вообще, в практике нашей жизни не принято выходить из этих договоров так легко. Если это сравнить с чем-то, может быть, таким более приземленным, вот мы сегодня заключили договор купли-продажи — кто-то купил, кто-то продал, а завтра цена поменялась. Но договор-то уже заключен. Его надо исполнять. И в этом смысле. Его заключили сегодня по сегодняшним ценам с той информацией, которая была в голове у сторон при его

заклучении. Да, он может тебе завтра быть невыгодным, но считается непорядочным выходить из этого договора, если у тебя нет каких-то форс-мажорных обстоятельств, каких-то других обстоятельств.

Поэтому, конечно, нам никогда не нравилось, когда мы видели как американцы легкомысленно относятся к своим международным обязательствам, по крайней мере, в этой части, в части выхода из договоров. Мы всегда исходили из того, что договор это все-таки важная вещь. Он действительно носит стратегический характер, он сегодня может нам нравиться, завтра не нравиться, ситуация еще ю поменяется, но его сохранение это такая очень важная базовая вещь. И когда одна из сторон ведет себя так легкомысленно — американские наши коллеги, к сожалению, много из каких договоров после этого еще тоже выходили — ничего хорошего в этом нет. Это разрушает, вообще, доверие в мире. И какая цена у этого договора? Зачем подписывать этот договор, если завтра из него так легко выскочить? Поэтому, конечно, это был некий такой [00:10:00] «disappointment» серьезный на нашей стороне, но из которого мы делали какие-то выводы на будущее в том числе. Ничего хорошего в этом не было. Сказать, что это какой-то был кошмар-кошмар: нет, не кошмар.

Безусловно, вторая часть вашего вопроса, дало ли это какой-то импульс размышлениям на тему новых видов вооружения: я считаю в крупной стране, которая заботится о своей безопасности, соответствующие люди всегда должны об этом думать. К сожалению, мир

так устроен пока, и правильно, что этим занимаются. Был ли такой серьезный Буш вот именно в 2001 году? Я, если честно, не помню, у меня как-то это не отложилось. Не могу на этот вопрос как-то внятно ответить.

ГРЕК: А у вас было понимание, почему они решили выйти? То есть было какое-то объяснение на тот момент?

ВОЛОШИН: Нет. Ну они же нам объясняли и всем объясняли, что им это невыгодно. Ну такое объяснение грубо, если уйти от деталей там — конечно, много чего в деталях — но: «Нам это теперь не выгодно». Окей. Нормально. Это к разговору, ты заключил договор — завтра кому-то более выгодно, кому-то менее выгодно, потому что цена на рынке поменялась, обстоятельства поменялись. Если из каждого договора выходят, просто потому что стало менее выгодно, это очень плохо. Тема цены все-таки циклы стратегические в мире, они довольно длинные. И ты подписал этот договор. Сегодня он одной стороне более выгоден. Завтра расклад сил поменялся, другой стороне стал выгоден, но само сохранение этого договора, как такой несущей опоры международной безопасности, очень важная вещь.

Мы к этому всегда очень серьезно относились на нашей стороне. Это была некая такая традиция российской политики. Мы реально к этому серьезно относились, мы с трудом себе могли представить, что мы придем к американцам и скажем: «Слушай, мы что-то передумали, что-то нам стал [00:12:00] неинтересен договор. Из этого договора выйдем, из этого тоже выйдем, из этого тоже выйдем». Нет. Мы, конечно, надеялись,

что наши партнеры тоже будут как-то более серьезно к подписанным договорам относиться. Какие-то выводы политические для себя, безусловно, мы сделали.

ГРЕК: Менее чем через 3 месяца после первой встречи происходит 11 сентября.

Помните, как узнали о теракте? Повлияло ли 11 сентября на политический курс в отношении Америки, и проводили ли вы параллели с войной в Чечне и началом американской войны с терроризмом?

ВОЛОШИН: Я хорошо помню, потому что это была, конечно, ужасная катастрофа. И эти кадры из Штатов, они меня застали в Петербурге. Я там был по делам в командировке. И как раз собирался уже под вечер вылетать обратно в Москву. И мы прогуливались там с моими питерскими коллегами и зашли там в такое информационное агентство «Росбалт», было и до сих пор существует. Оно такое не самое крупное, но относительно известное. И мы туда заглянули, просто проходя мимо. И там на стене висела большая такая панель, и весь коллектив агентства стоял с широко раскрытыми глазами, смотрел, там шел прямой репортаж из Америки. И мы прям с моими коллегами подошли, встали, в этот момент даже сначала не поняли, что это такое. Казалось, какой-то фильм-катастрофа. И это было, конечно, просто ужас-ужас. Такое трудно было себе представить.

Но я после этого полетел в Москву. В Москве у нас там всякие совещания были, обсуждения, конечно, мы дико сочувствовали американцам. Огромное количество погибло людей ни в чем не

повинных. [00:14:00] Что это может вызывать кроме сочувствия, соболезнования, не знаю, каких-то нормальных человеческих таких реакций? В Штатах почему-то много раз читал, что там были сильно удивлены, что Путин первым позвонил Бушу и выразил сожаления. Ну тут разница во времени, сыграло свою роль, но для нас был никакой не политический шаг даже. Это был абсолютно человеческий шаг в стране, с которой у нас пускай сложные, но какие-то, в целом, нормальные отношения, произошла трагедия, и надо людям выразить свое сочувствие, соболезнование и сказать какие-то нормальные человеческие слова, поэтому в этом даже не было никакой политики. Это был такой инстинкт нормальной, это была нормальная человеческая реакция на беду, которая случилась у кого-то другого.

С точки зрения политической мы, конечно, когда это все произошло... нам казалось, и мы это, безусловно, внутри тоже как-то обсуждали, что, ну наверное, американцы сейчас будут лучше нас понимать. Вот они сами с этой заразой столкнулись, они долго не могли понять, что же у нас такое происходит, и там истоки этой войны в Чечне, и там участие в международном терроризме в этой войне. И всего этого они действительно... но теперь-то они с этим столкнулись. И нам показалось в какой-то момент, что уровень взаимопонимания может повыситься, что они, столкнувшись с той же бедой, что и мы, станут лучше нас понимать. Такие мысли у нас точно были. Они почти не оправдались.

ГРЕК: Михаил Зыгарь пишет, что в 2001 году, несмотря на обещания США, что их база в Кыргызстане будет временной, тогдашний советник по национальной безопасности Кондолиза Райс сказала вам, что [00:16:00] американцам нужно будет сохранить эту базу навсегда. Верна ли эта интерпретация и как вы восприняли это заявление?

ВОЛОШИН: Если честно, в целом, ситуация описана близко к истине. Я не помню про конкретное сообщение Кондолизы Райс мне, но действительно, когда была активная фаза операции в Афганистане, американцы обратились к Киргизии с просьбой разместить там вспомогательную базу подскока для более эффективного осуществления операции. Конечно, президент Киргизии звонил президенту России, поскольку мы близкие партнеры, и хотел обсудить, как реагировать на это обращение. И получил реакцию безусловно от Путина, что это безусловно мы не против, потому что это наша общая борьба с международным терроризмом, и нам американские коллеги, действительно, говорили, что это нужно только на время активной фазы операций в Афганистане, не более чем. И таким образом мы де-факто американцев поддержали в этом смысле, потому что без нашего решения не думаю, что президент Киргизии принял бы самостоятельно такое решение, ну в силу довольно близких военно-политических и прочих отношений между нашими странами.

Потом, действительно, по прошествии месяцев каких-то нам американские коллеги стали уже как-то... мы поняли, что никаких планов

сворачивать эту базу там нет, а наши разные вопросы нам отвечали: «Ну передумали. Мы что-то подумали как [00:18:00] следует и нам это нужно теперь навсегда», ну так грубо. Деталей уже не помню. Но общий смысл, безусловно, такой. Ну было неприятное ощущение обмана, конечно же, что тобой воспользовались. Сначала сказали одно, потом сказали другое. Активная фаза операций в Афганистане завершилась, а желание там остаться осталось. У меня это не персонифицировано в моих воспоминаниях с Кондолизой, я думаю, что это общее было решение наших американских коллег. Может быть, оно было озвучено Кондолизой, я уже, честно говоря, таких деталей не помню. Но по-любому это соответствует правде, действительно.

ГРЕК: Какие, в принципе, у вас сложились отношения с Кондолизой Райс?

Насколько часто вы общались? Как сложились ваши личные отношения и влияли ли они на процесс переговоров?

ВОЛОШИН: Они были вполне такие рабочие. Вы знаете, в то время, несмотря на... Был один большой плюс в отношениях, ну это касается не только моих отношений с Кондолизой. Это касалось и отношений между двумя президентами, что еще более важно естественно. Было какое-то ощущение такого доверия при том, что мы понимали, что у нас могут быть очень разные точки зрения по разным вопросам. Мы можем по каким-то вопросам ругаться, мириться, но мы вот как-то в каких-то вещах друг другу доверяли. Наверное, это не было абсолютное доверие, которое

существует между близкими партнерами и союзниками, но на какой-то элемент доверия был.

И было желание его даже как-то там друг другу демонстрировать.

[00:20:00] Допустим, о начале военной операции в Афганистане, в Ираке мы узнавали до. До этого нам звонили, та же Кондолиза могла позвонить или президент Буш звонил президенту Путину и говорил, что: «Вот там условно через 24 часа начнем операцию. Мы хотим, чтобы вы об этом узнали не из газет. Вот мы заявим это и это. Что вы скажете?». Мы могли сказать применительно к Ираку: «Мы заявим, что это ошибка, but let's stay in touch.». То есть у нас диаметрально противоположные позиции, но при этом американцы могли нам позвонить, и они были абсолютно уверены в нас, что это завтра в газете «Правда» не окажется в утренней, мы это не будем использовать. При том, что мы категорически против этой войны, но есть некие понятия о добросовестном партнерстве каком-то, о деловом общении. И то, что мы придерживаемся сильно разных взглядов на многие события не исключает того, что мы можем быть порядочными в деловых отношениях. Это действительно было так, и это было ценным. Я там в наших отношениях с той же Конди ценил это — возможность как-то и поругаться, и высказать прямо, что ты думаешь. Не обязательно друг с другом соглашаться, но полезно это знать. Мы, кажется, общались довольно искренне, что тоже важно.

ГРЕК: Вы уже упомянули Ирак. Как американцы пытались убедить Кремль, что Россия должна поддержать вторжение в Ирак? Почему администрация

Путина в итоге сочла их аргументы неубедительными? И за этим стоит ваша личная большая история: вы лично ездили в Вашингтон, чтобы попытаться отговорить американцев от вторжения, встречались со всеми от Коллина Пауэлла до Райс, Чейни до Киссинджера, [00:22:00] и также сообщалось, что Буш присутствовал на ваших встречах с Райс в Белом доме. Как бы вы охарактеризовали эти встречи, весь процесс начала иракской кампании, вовлеченность России? И правда ли, что министр торговли Дон Эванс предложил финансовые стимулы при условии поддержки, если Россия поддержит вторжение?

ВОЛОШИН: Это была поездка незадолго до начала боевых действий уже. Я туда поехал по поручению президента, и мы считали, что грех не попробовать еще один раз уберечь наших американских партнеров от довольно серьезной ошибки. Мы абсолютно искренне считали, что это ошибка. Мы не одни так считали. Примерно такой же позиции придерживались наши германские и французские коллеги.

Мы понимали, что американцы, скорее, склоняются к началу этой операции. Мы понимали, к сожалению, что, как часто бывает в американской политике, это продолжение внутренней политики. Травма 11 сентября была настолько сильная, операция в Афганистане была настолько успешной и настолько быстрой, что общество требовало какого-то продолжения. То есть надо было еще что-то делать. Вот на этот вызов 11 сентября надо было как-то дальше отвечать. Был какой-то общественный такой внутривнутриполитический спрос на это в Штатах.

И американцы, конечно же, совершили катастрофическую ошибку. Они реально выигранный Афганистан, в котором уже сами талибы не верили, что они могут когда-то вернуться [00:24:00] к власти, и люди не верили, и там стала начинаться уже нормальная жизнь, они фокус перенесли на Ирак, но в итоге потеряли Афганистан. Мы сейчас видим продолжение событий, которые развиваются в логике запущенной тогда в ходе этой ошибки, когда они упустили Афганистан. Ирак, в общем, никакого отношения в отличие от Афганистана к терроризму особого не имел. Понятно, там был диктатор Садам Хусейн. Он как многие диктаторы был далек от совершенства во многих параметрах. Безусловно, нарушал права человека и был тираном, но правда в том, что никакого оружия массового уничтожения там не было. И это потом вскрылось, и это довольно постыдная история в американской внешней политике, когда госсекретарь Соединенных Штатов с трибуны махал этой пробиркой. Как выяснилось, потом эти данные были сфальсифицированы. И в результате вторжения последующего было доказано, что никакого оружия массового уничтожения в Ираке не было обнаружено. Но вместе с тем обескуражили эту страну. На ее останках возникло Исламское Государство, которое потом пустило свои метастазы в другие соседние страны. В общем, у этой ошибки довольно катастрофические мирового уровня последствия. И это, конечно, серьезно.

И тогда у нас была надежда попытаться все-таки в последний раз обменяться аргументами, и может быть, американцев убедить в том, что

это ошибка и в этом нет никакого смысла. Тем более, все-таки вся эта зона [00:26:00] к нам довольно близка — от американцев это далеко, это на другом конце света, а для нас это прямо в зоне видимости — в переносном смысле этого слова, да. По крайней мере, там и беженцы, и все там. Это все совсем рядом к нам.

Как американцы пытались нас убедить? Ну это было немножко наивно. Ну они пытались... скорее, логика была у наших американских коллег показать, что у нас там одни и те же враги. Я помню, утром я прилетел в Вашингтон, был, по-моему, вечер воскресенья, и мы с нашим послом тогда — Юрий Ушаков, который сейчас помощник президента по внешней политике — пошли там перекусить и выпить пива где-то в какой-то забегаловке недалеко от посольства, и он говорит: «Что-то вы знаете, американцы пытаются в последний момент график поменять, предлагают с утра встретиться с ЦРУ». Там был Тенет тогда руководитель ЦРУ, там несколько его заместителей и так далее. Встречаться в здании администрации, в этом большом сером здании, которое за Белым домом на той же площадке располагается. Ну и Юрий мне говорит: «Не надо. Зачем это?». Я говорю: «Слушай, они хозяева, я гость. Может, хотят что-то интересное рассказать ЦРУшники. Что такого страшного в этом? Ну повстречаемся с ЦРУ. С кем мы только не встречались в этой жизни». Встречаемся с ЦРУ. В общем, он меня пытался отговаривать. Я говорю: «Да не, слушай, встретимся и встретимся, потом пешочком там прогуляемся в

Белый дом». Потом там как раз встреча была там с Кондолизой и Джорджем Бушем.

Ну вот мы сели общаться утром в понедельник [00:28:00] с ЦРУшниками. Общий смысл, они нам сделали такую презентацию, что какой-то там террорист, который несколько раз ездил в Чечню — это было зафиксировано — и он какой-то был относительно известный, именитый террорист, что он вроде бы когда-то там бывал в Ираке после этого, поэтому у нас общие враги. Как-то это было все не очень убедительно, немножко так... мало ли там миллион людей ездит из стран в страны, наверное, можно найти там какого-то террориста, которой когда-то бывал в Ираке. Из этого не вытекает, что Саддам Хусейн поддерживал этого конкретного террориста в борьбе против России. Как-то это было немножко наивно, схематично так очень. Но они хотели нас убедить, что это типа общий враг.

Убедительных аргументов не было, конечно, у них, к сожалению. А были бы убедительные аргументы, ну и не ввали бы с трибун ООН с этими пробирками с оружием массового уничтожения... Поэтому это было вот так вот. Разговоры у нас были откровенные, возвращаясь к... хотели нас купить, какие-то намеки на это были. Это было довольно смешно, так выглядело, но точно мы не находились в какой-то торговой позиции, разменять там на 3 тонны бананов войну в Ираке или что-то такое, не знаю. Это какое-то странное представление такое. Но какие-то нотки такие прозвучали, что: «Если вы нас поддержите или пока не будете

сильно так вот против, то у нас же там большой потенциал торгово-экономических отношений. Зачем же нам всем этим рисковать?». Намеки такие были. Ну мы этот разговор не стали поддерживать, он и исчез. Это не было какой-то значимой [00:30:00] частью переговоров, нет, это так, пунктиром прошло.

ГРЕК: Вслед за этой историей комиссия Волкера ООН обвинила вас в получении взяток от Саддама Хусейна в форме нефти. Позже выяснилось, что ваша подпись была подделала. Как вы думаете, кто пытался вас подставить? Зачем? И пришлось ли вам как-то дополнительно доказывать свою невиновность? Имело ли это последствия в отношениях?

ВОЛОШИН: Это было довольно неприятно. Я действительно вдруг откуда-то там увидел. Это был предварительный то ли опубликованный, то ли что, это была предварительная версия расследования Волкера тогда, когда Волкер еще этим занимался в ООН. И там я странным образом... мне кто-то там то ли позвонил, то ли прислал, не помню уже... я вдруг слышу — моя фамилия связана с какой-то торговлей нефтью, Ираком и так далее.

Что интересно, что я в своей жизни не встречался ни с одним иракцем, вообще. Как-то моя жизнь сложилась так, что я просто не был никогда знаком ни с одним иракцем. И этими взаимоотношения с Ираком нашими, понятно, что по линии дипломатических ведомств, каких-то других линий, понятно, какое-то взаимодействие, наверное, было с разными режимами сотрудничества. Я лично никогда не был в это вовлечен. Это было для меня, конечно, какой-то такой совсем

полтергейст, вообще: непонятно что. Да и торговлей нефтью я никакой не занимался. Я, вообще, в то время работал руководителем администрации президента. И поскольку я понимал, что это какая-то фигня, что никакого отношения к истине не имеет, я естественно... с точки имиджевой это довольно неприятная вещь, когда тебя чуть ли не в какой-то коррупции обвиняют, да, еще с каким-то одиозным режимом с таким, да и вообще, [00:32:00] в коррупции. В общем, мало приятного.

Я понимал, что как-то с этим надо разобраться по-любому, потому что дети растут. Мне же не хочется, чтобы мои дети там... мне хочется, что мои дети понимали, что у них папа честный человек, а я реально честный человек. Взятки никогда не брал и нефтью не торговал, и квоты от Саддама Хусейна не получал. Мне пришлось этим всерьез заниматься. Это было довольно неприятное занятие. Я связался со своими друзьями в Экин Гамп — американская юридическая компания. Мы с ними там поговорили, что этим можно делать, и я с ними заключил контракт, и они стали заниматься этим расследованием. Они наняли еще там специфические всякие организации, которые «investigations» занимаются, насколько я понимаю. Я так сам в это не был погружен, делал через них: это был [следственная фирма] Кролл, по-моему. Это первое, что происходило.

Второе, что происходило, я написал письмо туда в комиссию Волкера, что: «Здрасьте, я вот такой-то, такой-то, давайте пообщаемся. Вот такую фигню про меня написали. Я хотел бы поразбираться». Они

достаточно нормально, быстро ответили, сказали: «Да, окей, но нам надо тайно, где-то на нейтральной территории». Я говорю: «Вообще, ничего тайного, вообще, все абсолютно открыто, готов встречается». Они говорят: «Ну мы тогда можем в Москву прилететь». — «Окей». И они прилетели в Москву.

Я тогда уже не работал в администрации к этому моменту, когда это все там раскручивалось. И я тогда был председателем совета директоров РАО «ЕЭС России».¹ Это наша большая энергетическая компания такая, которая тогда была государственная, потом была реформирована, разделена на части в рамках такой [00:34:00] большой программы по демонополизации энергетики. И у меня был офис там такой скромный в энергетической компании, вот там в этом офисе мы встречались с этими ребятами из комиссии ООН, которая занималась этим расследованием.

Вот там я им рассказал, что я думал. Думать мне на эту тему было тяжело. Реально к тому времени у меня еще не было результатов расследования, которым занимался Экин Гамп и Кролл. Но спустя несколько месяцев — я сейчас не помню, по-моему, это было 2 или 3 месяца — пришли результаты, действительно. Эти ребята... а там еще шла война в Ираке, они туда слетали и в каких-то полуразрушенных иракских архивах нашли пару бредовых абсолютно бумаг. Это письма якобы я как руководитель администрации на каких-то кривых банках администрации

¹ Единая Энергетическая Система России

президента написал 2 письма какому-то иракскому начальнику, одно на арабском языке, а одно на английском языке. Но, вообще, такой практики не было. Письма всегда пишутся на русском языке, если это письмо куда-то за границу, ним подкладывался такой перевод. Но тут это было тятляп. Подпись даже близко не была похожа на мою. То есть, очевидно, что какие-то мошенники просто вот пришли с этими бумагами и как-то там промылись. Может быть, их кто-то там на месте поддерживал. Это я уже могу только догадываться. Мне не кажется, что это какая-то большая политика. Мне кажется, там действительно, как я потом разобрался, был довольно большой бизнес такой мутный вокруг торговли этими нефтяными квотами. Ну и там куча всяких нечистоплотных людей разного калибра, крупных и мелких жуликов этим промышляла. [00:36:00] Я думаю, что какие-то из этих жуликов вот это вот сделали.

Я поехал в Штаты со всем этим делом. Американцы очень удивились: «Вы не боитесь приехать?». Я говорю: «Я точно не боюсь. Я, вообще, ничего не боюсь, но в этой ситуации я абсолютно на 100 процентов понимаю, что я ничего такого даже близко не делал и не помышлял делать». Поэтому там всякие проводили графологические экспертизы. Я миллион раз расписывался снизу вверх, сверху вниз, справа налево, слева направо, так-сяк, отвечал на тысячу всяких вопросов, каких-то интервью давал внутренних таких юридических. И в конечном счете Экин Гамп сделал заключение о том, что это сфальсифицированные документы, у меня до сих храниться такая толстая папка такая вот

собранных всяких этих отпечатков пальцев, графологических, показаний каких-то людей, каких-то справок из всевозможных ведомств, короче, чтобы это детям осталось, что бы дети — если вдруг когда-то еще всплывет — чтобы дети знали, что у них папа не жулик.

Единственное, там незакрытая история осталась, когда вышел предварительный репорт, были слушания в американском сенате, и там некие сенаторы тоже мое имя все упоминали в контексте всего этого дела, но я пытался через Экин Гамп прижучить этих сенаторов, чтобы они извинились или взяли свои слова обратно, но Экин Гамп попробовал, сказал, что у сенаторов иммунитет, и они не обязаны опровергать глупости, которые они говорят. И даже если это ложь, они потом не обязаны — это уже зависит от их человеческих качеств, но это уже не мой кейс. У меня какие-то знакомые были [00:38:00] среди американских сенаторов, но не эти.

А комиссия Волкера из окончательного доклада мой кейс убрала уже. Когда вышел окончательный доклад, там меня уже не было. Довольно неприятная история, она съела где-то год моей жизни — не целиком, но так прилично. Ну, вообще, неприятно, оправдываться в том, что ты не делал. Да, такая история была. Я не думаю, что это какая-то политика. Мне кажется, это какие-то мелкие жулики, которые таким образом какие-то квоты то ли получили, то ли не получили, не знаю, ну пытались, по крайней мере, получить.

ГРЕК: Вы уже сказали, к этому моменту вы ушли из администрации, и с этим связан вопрос по аресту 2003 год — арест Михаила Ходорковского, влияние этого ареста на американо-российские отношения, экономическо-торговую сторону, внутреннюю политику. Ваше отношение к этому событию?

ВОЛОШИН: Ну я, честно говоря, не думаю, что это как-то было прямо серьезным «damaging» для российско-американских отношений. Точно было не плюс, но я помню, что там американцы как-то пытались все-таки... но это было все в рамках публичной политики, пытались как-то за Ходорковского заступаться. Но я не могу сказать, что это был вопрос номер 1 в российско-американских отношениях, и это как-то прям такой ущерб. То есть точно не плюс, какой-то, наверное, ущерб был, но небольшой, несопоставимый с какими-то другими серьезными вещами, которые мы с вами в том числе обсуждали или будем еще обсуждать.

В целом, вы знаете, я такой человек... я хочу, чтобы Россия была сильной страной, а для того, чтобы она была сильной страной, [00:40:00] у нее должна быть сильная экономика, а сильная экономика — это сильный бизнес. Я не верю в госэкономику. Я верю в частную предпринимательскую инициативу, верю в частный бизнес. Я покуда там работал в Кремле, я считал, что это часть моей миссии поддерживать всегда бизнес, защищать его, как бы такой бизнес омбудсмен. Как-то мне так казалось, как некоторая часть моей работы. И в контексте этого я также смотрел и на дело Ходорковского. Понятно, компании там

напредъявляли кучу разных претензий, частично эти претензии могли быть справедливые, частично несправедливые. Но в целом на круг, если говорить про наши национальные интересы и про нашу экономику, ну конечно, это был с точки зрения делового климата в стране, это был большой жирный минус это дело. Вот я к этому так отношусь. И я это прямо так чувствую, я в этом уверен. Это дело было для экономики страны, для делового климата, для бизнес климата абсолютно вредное. В контексте российско-американских отношений не сказал бы, что это был такой «big deal», нет.

ГРЕК: Вы были также глубоко вовлечены в управлении отношениями России и Украины при администрации Кучмы. Как Кремль представлял себе процесс преемственности после Кучмы? Как Кремль оценивал цветные революции, которые тогда уже начались, особенно в контексте Украины? И также уточняющий вопрос, можно ли сказать, что отношения с Украиной были во внутреннем ведомстве администрации президента, а не в ведомстве МИДа, как утверждают некоторые корреспонденты?

ВОЛОШИН: Много вопросов насыпали.

ГРЕК: Давайте по очереди. [00:42:00]

ВОЛОШИН: По поводу преемственности, ну я бы не сказал, что мы в терминах преемственности как-то рассуждали. Вы знаете, у меня лично с президентом Кучмой были очень хорошие отношения. И надеюсь, они до сих пор есть. Сейчас давно уже не виделись, но я не думаю, что мы рассуждали в терминах преемственности вот когда там уйдет Кучма и

придет кто-то другой. Понятное дело, что для нас Украина очень близкая страна, с которой нас связывает не только политика или экономика, или что-то еще, а еще десяток миллионов ниточек человеческих отношений. У каждого второго родные, друзья на Украине, да. Для нас это просто не чужая страна. Мое детство тоже частично связано с Украиной. И родственники у меня там были из Киева, из Сумы, из Ивано-Франковска, из Одессы, ну откуда только не было. Киев я как город знаю не хуже, чем Москву, в целом. И для меня это тоже один из моих любимейших городов. Поэтому для нас это все такая история понятно дело непростая. Для нас, конечно, очень важно, что там происходит на Украине. Но мы не думали в терминах преемственности. Я сказал бы, уж коль мы говорим про Украину, что Украина очень сложная страна. Она сложная. Россия тоже более чем непростая.

И Украина, как и Россия, кстати, относится, я бы это назвал композитная страна, страна, в которой есть куски, которые относятся к разным цивилизациям, к разным религиям, к разным культурам, языкам и так далее. [00:44:00] И на Украине я прям чувствовал даже в детстве, когда туда ездил к родне, я чувствовал границу цивилизации. Вот тут еще какая-то такая цивилизация наша, как-то похожая на нашу, а вот тут прямо какая-то другая. Когда там где-нибудь в деревне под Ивано-Франковском мы приезжали и там в воскресенье на лавочке сидел дедушка, допустим, в шляпе и пил кофе. В нашей деревне кофе утром да еще в шляпе в деревне никто не пил. Ну это поверхностное различие, но за этим есть и много всяких глубинных

различий. И мне кажется... конечно, я понимаю, что украинская идентичность в разные времена подавлялась, украинский язык подавлялся, но я всегда считаю ошибкой попытки восстановить вот это убранство и украинскую культуру, украинский язык путем подавления русской культуры, которая для Украины родная тоже. Грубо говоря, Украина такая композитная страна.

Вот есть часть страны, которая вот прямо по культуре русская, есть часть страны, которая украинская, которая внутри тоже очень разно украинская. Украинский язык там в Киеве, во Львове — это два разных языка. Вот как красивая девушка в Киеве скажут: «Видна дивчина», а во Львове скажут: «Файна пани». Это почти по-польски, а и то, и другое украинский язык на самом деле. И в словаре вы те же слова найдете. И где тут настоящий украинский язык — это тоже еще там лингвисты ищут.

Но я-то считал, что им всегда... вот возникла независимая Украина, она возникла в тех границах, как она была внутри Советского Союза, правильно же. Там были области совсем, которые были прост по политическим соображениям туда задвинуты с целью сбалансировать [00:46:00] классовый состав. Большевики же были сумасшедшие на счет классового состава: доля крестьян, доля рабочих. Они считали, что крестьяне классовые враги, а рабочие промышленные — это их классовые союзники. Так вот, они решили к аграрной Украине добавить индустриальный Донбасс и тем самым сбалансировать классовый состав. Это был такой аргумент. Но по культуре это были, конечно, русские

абсолютно регионы. И я-то считал, что вот с самого начала независимой Украины надо было бы им ну как-то объявить это все своим национальным богатством. Вот это смешение культур: есть русская культура, есть украинская, а есть еще венгерская, румынская. Много чего там есть. Взять это все себе присвоить и сделать из этого национальное достояние, а они почему-то умудрились из этого себе сделать национальную головную боль, когда там русский язык не является региональным, потому что есть другая страна, где он является доминирующим. Ну странная логика. Для американцев было бы понятно, если бы сказали, что: «Мы испанский язык в Штатах поддерживать не будем, потому что есть другие страны, где испанский язык является основным, поэтому мы вот какой-нибудь венгерский язык в Штатах готовы поддерживать или какой-нибудь еще, а испанский не будем». Очень странная история.

Я могу сказать, я пытался как-то в последний период заниматься генеалогией, поиском родственников разных, в том числе залез на сайт Одесского государственного архива. Сайт одесского государственного архива — это часть государственного архива Украины. Там есть меню на разных языках. Он сделан на украинском, что логично. Но дальше ты можешь ткнуть и вываливается такое меню. Ты можешь выбрать английский, [00:48:00] французский, немецкий, “Hebrew” ... русского там естественно нет. Среди 10 или 12 языков там нет русского, вообще, нет. И если ты пишешь туда обращение, ты должен обращение написать на

украинском языке. Ну окей, я с этим окей. Могу написать и на украинском. Чутка знаю. Могу даже спросить у товарища, чтобы он там ошибки вычитал потом. Я, вообще, украинский язык люблю на слух. Мне, вообще, доставляет огромное удовольствие. Но ты должен имена переделать на украинский манер. У нас алфавиты почти одинаковые, отличие в 3-4 буквы, как отличия в алфавите между немецким и французским. Но на Украине принято имена переделывать на украинский манер. Допустим, если француз приезжает в Штаты, его никто не заставляет перестать быть Жаном, а стать Джоном. То есть это «optional». Если ты хочешь, пожалуйста, более по-английски звучать, но ты нормально можешь оставить имя Жан. Вот на Украине тебя в документах поменяют. Если ты Николай, тебе напишут Микола. То при том, что полстраны говорит по-русски. Это принудительно. Это ты не имеешь права у себя оставить. И даже в иностранном паспорте тебе будут делать транслитерацию тоже с украинского варианта, а не с русского. Поэтому, когда ты делаешь запрос в одесский архив, тебе надо все, включая имена, переделывать на украинский манер. И тебе быстро приходит ответ, что в архиве такого не обнаружено. Сказать почему? Потому что архив на русском языке. Потому что там в архиве-то все имена указаны на русском. Это довольно бессмысленно, бессмысленные упражнения, но это принципиально, потому что это независимая Украина. [00:50:00] Мне кажется, все это такая дурь.

Но кстати, Запад и Америка всегда в режиме «soft power» поддерживал вот эту украинизацию Украины и всегда на этом находил какие-то политкорректные такие объяснения. Мне кажется, по одной простой причине: потому что русский язык какой-то инструмент влияния. Конечно, это правда. Конечно, русский язык — инструмент влияния. В понимании американцев — это инструмент вредного влияния, поэтому и не страшно, что при этом нарушаются права русско-язычных людей, с этим инструментом влияния надо потихонечку бороться.

Это вот такой один из элементов просто в разговоре всплыл. Но когда ты сидишь в Кремле, строго говоря, в кресле — возвращаясь к российско-американским отношениям уже — ты вот эти вот вещи постоянно считаешь. Чисто, когда я сказал, что каждый российский президент начинает желание улучшить российско-американские отношения, а заканчивает их серьезным разочарованием, как было у Ельцина. У Ельцина там отношения с Америкой в начале [19]90-х, в Стамбуле саммит ОБСЕ или последняя встреча с Клинтоном в [19]99-ом году: это уже совсем другие отношения. Или югославские события перед этим. Но когда ты сидишь в Кремле, ты видишь, что вроде тебе говорят все политкорректно — «Да, мы друзья, мы товарищи» — а гадостей тебе делают. Какая-то есть огромная машина, и она настолько против тебя заточена, и у нее такая огромная инерция внутри, что она прямо тебе делает в мелком, в крупном, в среднем, в большом.... [00:52:00]

Допустим, 11 сентября. В разгар войны в Чечне мы несколько раз — это было уже при Буше — мы пытались улучшить наши отношения и вроде все как-то. Вот уже, Буш заглянул в глаза Путину, что-то там увидел, уже вроде как-то, были какие-то шансы на улучшения. А ну нас там загасающая еще война была в Чечне: там какие-то рецидивы. И мы выясняли, наши спецслужбы, что американские посольства в Закавказье, там в Тбилиси, в Баку находятся в контакте с этими [чеченскими] боевиками — что они оттуда выныривают из войны, добегают до американских посольств и потом там приободренные возвращаются. Где-то им там поддельные паспорта помогают сделать. Где-то деньгами их снабжают. Это некая такая история, которая была крайне неприятна.

Поскольку мы находились в стадии попытки улучшить российско-американские отношения, мы даже из этого никакие публичные скандалы не делали. Мы по линии соответствующих ведомств выясняли отношения. Американцы, строго говоря, даже с этим особо и не спорили с этими фактами, потому что они были задокументированы в «high definition» эти визиты. И они говорят: «Ой, ну это не политика Соединенных Штатов. Это конкретные ошибки конкретных людей, и мы их оттуда заберем». Их, наверное, и забрали оттуда. Не знаю, я за этим не следил. Думаю, что забрали куда-то на повышение в каких-то соответствующих релевантных ведомствах.

Представляете, что мы должны были про это думать, когда там наши [00:54:00] казалось бы партнеры американские, их дипломатические

ведомства либо какие-то специальные службы ведут всю эту деятельность.

А у нас там реальная война, у нас там люди гибнут каждый день, у нас взрывы в наших городах. Как это? Чтобы это было понятно американцам. Почему я вспомнил, допустим, про 11 сентября. Там были эти уроды пилоты, которые направили самолеты в дома в разные. Эти пилоты были террористами. Можете себе представить, если бы вдруг выяснилось, что эти пилоты прежде чем совершить эту вещь накануне были бы в российском посольстве в Оттаве или где-то в Мексике или где-то еще и получали бы там поддельные паспорта. Можно себе такое представить? Америка с нами это делала. Как мы должны к этому относиться? Друзья, товарищи?

Или другой пример тоже в контексте 11 сентября. В Америке было несколько исламских фондов крупных. Исламские фонды бывают разные. Бывают абсолютно позитивные. В данном случае было несколько фондов, которые реально финансировали войну в Чечне и периодически мы там выявляли какие-то денежные потоки, которые способствовали этой войне. Мы выясняли отношения с американскими коллегами на разных уровнях и говорили им: «Слушайте, вот такой-то фонд такой-то, такой-то. Разберитесь, пожалуйста, это. Фонды, существующие на территории Соединенных Штатов, они спонсируют нашу войну на Кавказе гражданскую». Нам каждый раз отвечали: «Мы разобрались. Это чисто гуманитарные вопросы: помощь детям, больным и так далее, и так далее. Ничего такого там плохого они не делают эти фонды». [00:56:00] Так вот,

после 11 сентября в течение 2-3 месяцев все эти фонды исчезли, они все были закрыты. Ну о чем это говорит? Наша кровь — это наша кровь. Ваша кровь — это ваша кровь. Я думаю, что они их прихлопнули эти все фонды, они их закрыли, не потому что они занимались сугубо гуманитарной деятельностью: помогали детям и обездоленным. Значит, они какие-то связи увидели все-таки с международным терроризмом. Просто когда этот международный терроризм был против нас — нормально. Трудно объяснить, но, когда ты вот сидишь в Кремле и видишь это все день за днем, час за часом в мелком, в крупном, там-сям... ну ты через какое-то время... какие должны быть отношения между странами? Конечно, через какое-то время тоже Путин пришел к какому-то серьезному разочарованию и переосмыслению, вообще, наших отношений с Соединенными Штатами, с их западными союзниками другими. Что в какой-то момент, наверное, сподвигло его назвать вещи своими именами и выступить в Мюнхене с той самой речью, о которой вы наверняка хотели меня спросить.

ГРЕК: Да. В рамках этой речи, которую Соединенные Штаты были названы дестабилизирующие державы, пренебрегающие основными принципами международного права, американцы были удивлены таким поворотом российской риторики. И администрация Буша признавала несогласие Кремля по поводу выхода из договора по ПРО, вторжению в Ирак, расширению НАТО, но американские официальные лица по-прежнему считают, что Путин не понимает причину реальных шагов США и считает,

что разногласия были либо косвенно решены, либо могли быть предметом переговоров. [00:58:00] Иными словами Путин «overreacted». Как вы отреагировали на это мюнхенское выступление? Что по вашему мнению пытался представить Путин в рамках этой речи? Принимали ли вы участие в разработке этой речи, в ее, может быть, написании, согласовании?

ВОЛОШИН: Нет. Я уже к этому моменту не работал в Кремле. Я к подготовке этой речи отношения не имел, но я очень хорошо понимаю логику этой речи. Мы же действительно много с американцами спорили по разным вопросам, но мы всегда пытались соблюсти некую такую политкорректность внешнюю. Ну в западной цивилизации, вообще, политкорректность иногда важнее, чем правда, мне так кажется. Может, кого-то обижу этими словами. Но это довольно часто. Я был в свое время, помню, шокирован. Я смотрел, это были дебаты между демократами, по моему, были Обама и Хилари, еще перед теми выборами. Это были праймериз естественно и были довольно такие горячие дебаты. И Обама говорит Клинтон, что: «Гражданка, у тебя же руки по локоть в крови. Ты вот голосовала за такую-то резолюцию по этой войне. У тебя там чуть ли не с ногтей каплют капли крови детей, погибших в этой войне» и так далее. Проходи полчаса. Заканчиваются дебаты. Они говорят завершающие слова, и Обама говорит: «Для меня величайшая честь участвовать в дебатах с таким выдающимся деятелем американской политики [01:00:00] как Хилари Клинтон». Я так слушаю, что это? То есть подожди, она либо

убийца, у нее руки в крови, либо она выдающийся деятель. Или это нормально все как в «House of Cards». Все-таки объясни мне? Это все-таки не «House of Cards». Это такой «realpolitik». Должно быть как-то по-другому.

Конечно, нам в России с нашей ментальностью очень трудно к этому привыкнуть. У нас все-таки правда — она правда. Если ты кого-то назвал убийцей, ну вот он будет до конца жизни это помнить. Это серьезное обвинение. Американцы немножко ближе, видимо, к какому-то спорту, к соревнованиям, и много друг другу принято прощать. Это другая культура. Она не моя, я с уважением отношусь к другим культурам, просто я объясняю этот культурный «гар». Как-то по-разному воспринимается.

Путин в какой-то момент решил, что надо отложить эту политкорректность, назвать вещи своими именами. Если они так не понимают, то надо назвать вещи своими именами: может быть, так хоть поймут, и сказал все, что думает. Он не хамил. Никого не унижал. Он просто сказал все, что он думает. И, в принципе, если почитать его выступление, там правда написана. Там ничего такого, просто эта правда сказана с нарушением западных представлений о политкорректности. Там грубовато, жестковато, да, так не принято. Если ты кого-то назвал убийцей, назови его тут же выдающимся деятелем и будет нормально. Он там никого выдающимся деятелем не называл, но он сказал то, что думает, поэтому это, скорее, такая отложенная, накопленная реакция, которая оформила. Вот это разочарование от попыток наладить отношения

[01:02:00] с американцами и другими нашими многими западными партнерами. Это такая речь — разочарование, но одновременно и предостережение, что: «Ребята, мы считаем, что так нельзя. Так нечестно, несправедливо» и так далее. Поэтому я так к этому отношусь.

ГРЕК: Верно ли то, что он сам писал эту речь?

ВОЛОШИН: Я насколько знаю, там «personal touch» очень большой, это да.

Наверняка, конечно, ему специальные люди... там есть квалифицированные «speechwriters» в администрации, реально очень хорошие. Они писали ему какие-то драфты. Но то, что он очень сильно сам поучаствовал это видно и по тексту, и по стилистике, и по всему. Это правда, да.

ГРЕК: Мюнхенская речь — это был, наверное, переломный момент, когда началась после этого уже горячая пора взаимоотношений в определенных точках и здесь опять немного комбинированный вопрос. Как Кремль воспринимал сначала череду цветных революций в постсоветских странах? Пересекалось ли у вас это с проблемой расширения НАТО на Восток? И 2008 год Грузия — это одно и тоже событие, которое закончилось грузинской войной или это про разные вещи?

ВОЛОШИН: И да, и нет одновременно. В этом мире все связано, вообще-то, но тем не менее у каждого из этих событий или явлений есть какая-то своя предыстория и свои история. Ну что такое революции, вообще?

Правильно я понимаю, что революцией мы называем незаконный захват власти или что?

Есть [01:04:00] два шага назад. Возьмем в чем Америка великая страна, да. Реально ее создали талантливые люди, съехавшиеся со всего мира на эту землю — наиболее предприимчивые, чуть-чуть авантюрные, талантливые, трудолюбивые, не боящиеся нового — и создали эту фантастически развитую экономику: мощную, диверсифицированную с довольно высоким уровнем жизни средним. Это безусловно огромное достижение американцев своими руками. В моем понимании... я, вообще, верю в конкуренцию всегда. Мне кажется, что эти достижения американские — они являются плодом высочайшей конкуренции. Вот в Америку приезжаешь, там на каждом сантиметре экономического пространства жесточайшая конкуренция. Тебе кажется, ты придумал что-то новое, прямо суперское, и тут же выясняется, что 1000 человек в эту же секунду тоже это же придумали. И на каждом сантиметре политического пространства тоже острейшая конкуренция, и внутри политических партий, что мы видим, как в тех же не всегда приятных праймериз случается. То есть Америка — это страна конкуренции внутри. И я связываю успех Америки с этим, что там есть культ предприимчивости, культ независимости, культ конкуренции.

Парадоксальным образом после крушения Советского Союза эта же страна стала монополистом в мире — она устанавливает законы, которые она пытается делать глобальными и всех заставляет их исполнять. Она же занимается law enforcement в этом смысле: она и прокурор, и судья, и законодатель, и следователь, все в одном флаконе. Такой глобальный

монополизм. Это результат крушения Советского Союза. До этого мир был биполярным. [01:06:00] Не один монополист никогда добровольно не отказывается от своего монополизма. И у него всегда есть очень убедительные объяснения, почему этот монополизм полезно сохранять. И конечно, Соединенные Штаты в этом смысле никаким исключением не являются. Они всем рассказывают. Просто они не говоря монополизм, они говорят «leadership». Но на самом деле, когда ты за всех все решаешь и все должны тебя поддерживать, а тот не поддерживает, тот неправ, его можно наказать, ввести санкции, поскольку ты экономически большой и сильный, в военном смысле тоже большой и сильный — это немножко безумство монополиста. Парадоксальным образом в Америке это смешалось. Это замечательная страна, которая добилась фантастических успехов внутри — благодаря конкуренции — во вне она такой жесткий большой самовлюбленный монополист, который считает только его правду. И в этом смысле демократы, республиканцы... по большому счету не имеют значения глобально. Понятно, это имеет значение для американской внутренней политики. Я с уважением к этому отношусь. Но для мира по большому счету большой разницы нет. Это поведение монополиста.

Поэтому этот монополист решает в каком случае — возвращаясь к вашему вопросу — это государственный переворот, а в каком это революция. Вот он решает. Если ему выгодно, он назовет это революцией, революцией роз, апельсинов, бананов, чего угодно; либо он объявит это

государственным переворотом, он решает. Когда, допустим, в Киеве власть поменялась неконституционным путем, очевидно, да. Янукович отсутствовал в Киеве полтора дня. После того, как подписал соглашение с оппозицией и с гарантиями наших [01:08:00] европейских коллег, он был там смещен. Это произошло точно в нарушение конституции. Любому нормальному юристу очевидно, что это государственные переворот. Так вот, когда Россия говорит: «Государственный переворот», нас никто в этом не поддерживает. Почему? Потому что в американском понимании, если результат американцам нравится, они называют это революцией, а если результат не нравится, то можно объявить государственным переворотом и еще там объявить санкции в отношении людей, которые совершили этот переворот. Если тебе нравится результат, ты называешь это революцией и вводишь санкции против тех, кто мешал этой революции, наоборот. Это абсолютно все укладывается в нормальной американской голове. Поэтому, когда мы говорим про цветные революции, конечно, это череда государственных переворотов, безусловно.

Да, надо смотреть внимательно обстоятельства, в которых они происходили. Часто эти государственные перевороты поддерживались значительной частью населения, уставшие от коррупции, уставшие от какой-то бестолковщины прежним правителей. Да, все это имело право на существование, но является ли это все достаточным объяснением, чтобы государственный переворот поддерживать? Все-таки много чего в

Америке происходит, там тоже кризисы какие-то бывают, но все-таки когда там толпа врывается в Капитолий, это как-то общество считает, что что-то не так, что не таким образом. Хоть и люди некоторые утверждают, что пришли туда на экскурсию, но им никто не верит. Но в других странах, если люди пришли на экскурсию в местный парламент, там куда-то, то они революционеры, если к власти в результате этой революции приходит тот, [01:10:00] кто нравится Соединенным Штатам. Вот и все.

Поэтому в этом смысле все стало совсем таким черно-белым, поскольку Соединенные Штаты решают, где это революция, а где государственный переворот. Вот и все. Ситуация в России поскольку большей частью речь идет о странах близких к нам, культурно, этнически и там религиозно, исторически: да как угодно из-за кого, конечно, это нас не может не трогать. Просто мы действительно настолько перемешаны здесь все, у нас там взять, где только у меня нет родственников, да везде на постсоветском пространстве, ну уже и шире, но на постсоветском пространстве почти что везде. И так у каждого. Поэтому не повод признавать суверенитет других стран, я это говорю не для этого. Я объясняю, что нас это трогает по человечески: если там происходит государственный переворот, который кто-то объявляет революцией, нам это не нравится. Это в целом про цветные революции.

Грузино-осетинский конфликт, мне кажется он, на самом деле большая длинная история, и грузино-абхазские отношения и грузино-осетинские... я много этим занимался, но это каждый раз прям, большая

отдельная история, я не уверен, что нашим американским коллегам это сильно интересно. Она очень непростая эта история. В случае с Осетией, там опять же большевики решили разделить осетинский народ, там на Северную Осетию и Южную. Там, Северная Осетия попала в состав России, Южная попала в состав Грузии, хотя это абсолютно — там семьи разделенные — это один и тот же народ. Какие-то коммунисты проводили там когда-то по хребту линейкой эту [01:12:00] линию и вот так вот это поделили и тогда уже заложили истоки этих конфликтов. Дальше эти межрелигиозные — даже не межрелигиозные. Прошу прощения, неправильное слово — межэтнические какие-то отношения, они были придавлены в советские времена. Ну, как бывает в тоталитарном режиме. Все было придавлено. То есть все ходили строем. Была одна партия. Был комитет государственной безопасности и никакого инакомыслия, оно жестоко подавлялось. Какой там межэтнический конфликт? Всех там, если межэтнический конфликт, тебя посадят в вагон и увезут на край света куда-нибудь, будешь жить на болотах...

Тоталитарный режим, он может обеспечивать порядок иными способами на своей территории. Когда этот тоталитарный режим исчез, все эти конфликты снова вылезли на поверхность. Одним из них был вот Осетино-грузинский или грузино-осетинский конфликт, и он долго искрил, долго искрил. У него нет никакого такого простого решения, действительно такого честного и простого, но в какой-то момент, там безумный Саакашвили решил военным путем его решить. Ему показалось,

что вот как-то карты сложились в данный конкретный момент. Конечно, была фантастической ошибкой преступление, но Запад был настолько сильно заточен вот против России к этому времени, что я даже, знаете я сам помню, включал телевизор, то ли CNN, то ли какой-то американский канал и по нему показывали кадры, которые у нас на кануне показывали, когда Саакашвили начал обстреливать Осетию и Цхинвал, город, столицу Южной Осетии. Это был такой ночной обстрел ракетами. Нас по телевизору это показывали, прям всю ночь и все там смотрели с ужасом на это. Там показывали разрушенный Цхинвал, потом и все, на следующий день [01:14:00] шли эти кадры по американским каналам с надписью «Русские напали на Грузию». Просто под этим же кадром была подпись «Русские напали на Грузию», кадры были те же самые. Своего еще футоджа не было, да, ну там журналистов на месте не было, поэтому и брали просто вот это «сору-paste», просто надпись менялась.

Поэтому, конечно, это была фантастическая ошибка Саакашвили — не ошибка, а реальное преступление. И он сам за это дорого заплатил утратой популярности. Он же был довольно популярным все-таки президентом Грузии. У нас в России не принято его ни за что хвалить, но я бы сказал, что несколько реформ, которые ему вполне удалось и до сих пор у них не коррумпированная полиция, он целиком ее сумел, это прямо «success» история такая. Ему кое-что удалось, но он как человек, мне кажется, такой все-таки, как-то сказать политиккорректно...

ГРЕК: Экцентричный?

ВОЛОШИН: Да. Экцентричный, вот хорошее слово. Экцентричный, да, и его, конечно, сильно занесло, и он наделал много, много, много ошибок, некоторые из них довольно кровавые такие, некоторые из них, скорее, можно квалифицировать как преступления нежели как ошибку. Это про этот конфликт. Что еще?

ГРЕК: Вопрос по поводу интересов Америки в Грузии и как российские и американские интересы там столкнулись? То есть какие были большие выводы с вашей точки зрения сделаны после грузинского конфликта в результате?

ВОЛОШИН: К сожалению, эти отношения стали с какого-то времени — и это был не наш выбор не российский — они стали довольно такими черно-белыми. Черно-белыми в каком [01:16:00] смысле? Что Америка на постсоветском пространстве поддерживает все против России, абсолютно все от мелкого до крупного, прям вот везде. Просто в Грузии возникла кризисная ситуация, это таким образом кровавым, к сожалению, таким трагическим проявилось. В этом смысле это не включение. Я удивляюсь, как машина, она реально... я понимаю, что какие-то крупные вопросы там глобальной безопасности, а она работает, не останавливаясь, включая выходные дни, и занимается всякой фигней.

Пример приведу. Сколько-то лет тому назад у нас в России... у нас есть своя финансовая индустрия и есть центральный депозитарий, «central depository», это такое место, где ведется учет прав на ценные бумаги. Во многих странах это централизованная функция: как есть

Центральный банк или там «Fed» в Штатах, Федеральная резервная система, а есть банки второго порядка. Тоже самое в ценных бумагах. Есть центральный депозитарий, где конечные права на ценные бумаги учитываются. У нас не было когда-то центрального депозитария, что не нравилось многим иностранным инвесторам и нашим тоже. И мы в свое время — это было довольно давно уже, сколько-то лет тому назад — мы создали этот центральный депозитарий.

Мой приятель — друг, можно сказать — Миша Зурабов, который когда-то у нас был министром здравоохранения, пенсионный фонд в России возглавлял, а потом в то время он был послом России на Украине... он мне как-то звонит, говорит: «Слушай, тут ко мне приходили местные ребята — киевский центральный депозитарий. Они тоже создают центральный депозитарий. Ну это совсем такая маленькая компания, там 3 человека всего, но они хотят обмениваться опытом, что-то подписать. Короче, хотят подписать рамочное соглашение какое-то с московским центральным [01:18:00] депозитарием. Ты можешь им как-то помочь?». Говорю: «Да, конечно, дело благое. Они что-то конкретно?». — «Да нет, рамочное, просто чтобы обмениваться опытом, информацией и так далее.». Я позвонил в наш создаваемый центральный депозитарий, говорю: «Ребят, там какие-то ребята из Киева. Вот их зовут так-то, так-то, хотят как-то общаться, что-то там обмениваться опытом, они маленькие еще совсем, вы тоже пока еще не совсем большое. Чем можете, помогайте.

Давайте будем сотрудничать, дело благое. Это не бизнес никакой, вообще, типа инфраструктурное гуманитарное сотрудничество такое».

Позвонил и забыл. Проходит месяца 2 или 3, что-то мы общаемся с Зурабовым. Я его спрашиваю: «Слушай, а что там с центральным депозитарием произошло? Подписали это соглашение или нет? Я что-то здесь не уследил». Он говорит: «Там такая история ого-го. Там один из этих ребят из Киева скоро будет в Москве. Если тебе интересно, он тебе расскажет историю. Это будет тебе интересно. Нет, соглашения нет и, наверное, никогда не будет». — «А что произошло?». Он говорит: «Он тебе лучше сам расскажет». Приезжает ко мне этот парень через какое-то время, молодой парень лет 35, начальник этого депозитария, говорю: «Все в порядке?» — «Да, мы с этими ребятами в вашем центральном депозитарии связались — спасибо вам за помощь. Нас что-то угораздило, бес попутал. Мы как-то стали об этом рассказывать. Даже в каком-то интервью где-то об этом было сказано, что мы планируем такое соглашение». Короче, звонок из американского посольства. Советник посланник — второй человек в посольстве Соединенных Штатов великой страны зовет в гости [01:20:00] этого парня, компания «Рога и копыта» из 3х человек — центральный депозитарий и тратит час своего времени, чтобы убедить его, что не надо ему с Москвой подписывать это соглашение: «Потому что надо евроинтеграция. Надо с европейцами, нашими американцами. Мы окажем вам помощь. Мы вам дадим денег. Зачем вы с Москвой?». Кончено, ему сказал этот парень посольстве:

«Кончено, свободные люди, пожалуйста, но последствия будут для вас негативные. Вы должны иметь в виду». Не стал подписывать соглашение. Не лень посольству Соединенных Штатов.

Вот эта машина так работает. Она без отдыха, без выходных, в любое время суток, она работает и такое ощущение, что у нее задача делать гадости такие. Русский язык плохо поддерживать, потому что это инструмент влияния, центральный депозитарий, какое-то общее соглашение — тоже инструмент влияния. Чем дальше Украина от России, тем лучше кажется Соединенным Штатам почему-то. Общая логика Соединенных Штатов на постсоветском пространстве примерно такая, возвращаясь к нашей теме. Чем дальше все наши соседи от России, тем лучше. А если они приближаются к нам или вступают с нами в какие-то более и менее отношения, это плохо. Как в России должны к этому относиться? Это поведение партнеров, друзей? Эта машина работает без перерывов, циклы — потепление в отношениях — похолодание в отношениях, иракская война и афганская война, Югославия, неважно — это машина. Меняются республиканцы и демократы, а она продолжает работать. [01:22:00] И когда ты сидишь в Кремле, через какое-то время тебе трудно не стать антиамериканистом, потому что ты видишь, что эта страна и эта огромная мощная машина, которая сильная, она почему-то против тебя: вот так вот работает. Почему? У меня нет никакого объяснения. Мне кажется, это глупость монополиста. Я верю в конкуренцию, я повторяю. Конкуренция заставляет нас быть умными,

эффективными, помогает избежать ошибок, но монополистом быть всегда приятно.

Чего Америка добилась в Ираке? В Ираке погибло почти столько же американцев, как 11 сентября. Молодые ребята, которые ни за что, вообще. Разрушили эту страну дотла. Там возникло исламское государство. Там теперь курды отдельно, эти отдельно, все друг с другом воюют. Выиграли ли что-то американцы? Ничего не выиграли. Угробили 5000 молодых ребят своих, которые были бы живы, их семьи были бы счастливыми — если бы не было такого глобального монополизма Соединенных Штатов. Если бы перед этой войной иракской кроме России, Германии и Франции — был бы кто-то еще, допустим, Великобритания, Соединенное Королевство была бы там или Япония, еще, может быть, 3-4 таких серьезных страны — может быть, этой войны не было. Правда же?

Было бы это плохо для Соединенных Штатов у меня вопрос? Да нет. Конечно, это было бы хорошо для Соединенных Штатов. Не было бы исламского государства. 5000 молодых американцев были бы живы и счастливы и их семьи. Ну что плохого было бы? Я объясню как вреден этот монополизм, потому что ты совершаешь ошибки, ты никого не слышишь, есть только твое долбанное мнение — все остальное мнение не имеет значения. [01:24:00] Все, кто с ним спорит, твои враги. Ты будешь им делать гадости, вводить против них санкции, ты слышать даже не хочешь, в чем смысл их жизни и какие у них национальные интересы. Есть только

твои интересы. И все, кто тебе подпевает — это твои союзники, а все, кто против, это твои враги. Это довольно убогий и очень неустойчивый мир.

Я много времени провел в политике. Моя страна... мы тоже какие-то ошибки совершаем. Мы сложная страна, которая до сих пор находится в состоянии транзита из того, чтобы быть Советской и стать какой-то развитой в разных смыслах страной. Конечно, это тяжелый путь, мучительный. Мы совершаем ошибки, мы тоже далеки от совершенства. И конечно, нам как никому нужны добрые отношения вокруг нас — мы больше, чем другие заинтересованы. В Америке и так все более и менее в порядке: благополучная страна с высоким уровнем безопасности, с высоким уровнем развития экономики. Понятно, как в любой большой стране есть дофига проблем. Американцы их лучше всех знают, но в целом, если сравнивать с прочим миром, все не так плохо. У нас проблем гораздо больше. И нам гораздо больше нужны добрые отношения с теми же Соединенными Штатами, с теми же европейцами. Нам это будет сильно в помощь, это будет помогать нашему развитию в сторону свободной, демократической, самостоятельной, преуспевающей России с высоким уровнем жизни людей. Вот чего мы хотим. Очень трудно строить такие отношения в современном мире, когда есть один монополист, который всех вокруг запугивает и уже с ним проще согласиться, чем спорить. Это как черная дыра, которая в себя все затягивает.

[КОНЕЦ АУДИО/ВИДЕОФАЙЛА]